

ВОЙНА 1812 года В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ И ПОЭЗИИ XIX века

С. Н. АЗБЕЛЕВ
(Санкт-Петербург)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 года В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Аннотация. В статье характеризуется соотношение фольклорных произведений об освободительной войне 1812 года с историческими событиями и с более ранними произведениями русского фольклора.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, исторические песни, переработки песен.

Два столетия, отделяющие нас от эпохальных событий войны 1812 года, не уменьшили ее исторической значимости. Нашествие общеевропейской армии Наполеона, которая по численности и вооружению втрое превосходила противостоявшие ей тогда военные силы России, несло угрозу самому существованию нашей страны как суверенного государства. Это было осознано всеми слоями русского народа, который в ответ на стремление его поработить перешел от противостояния только войск профессиональных к общенародной освободительной войне, впервые в русской истории получившей название Отечественной.

Отражения ее в фольклоре были многочисленны и разнообразны. Но сохранность их в репертуаре оказалась неодинаковой. Прозаические предания остались существовать в опубликованных вскоре записях, которые изначально были подвергнуты литературной обработке. От нее не свободна оказалась и значительная часть песен об Отечественной войне. Однако сама по себе песенная форма их бытования

способствовала удержанию в памяти и передаче даже тех текстов, которые в той или иной степени удалились по своей фразеологии и лексике от многовековой традиции народных исторических песен, испытав влияние поэзии книжной.

Опубликовано за прошедшие века несколько сот записей песенных произведений, обязанных появлением первой Отечественной войне. Как это обычно для исторического фольклора, значительный процент таких текстов составляют песни, основанные на переложках песен более ранних, содержание которых было приспособлено к тогдашней действительности путем введения реалий, отразивших события 1812 г. Для песен, которые целиком или почти целиком основаны на таких событиях, характерно довольно частое соединение в одном произведении воспоминаний о нескольких разделенных и по времени, и по месту действия исторических фактах. Песни создавались солдатами и казаками — участниками множества крупных и некрупных битв, происшедших за сравнительно короткое время. Впечатления о них наслаивались, песенное творчество, видимо, не всегда «поспевало» за сменой особенно важных боевых эпизодов.

Но Бородинское сражение, исключительное по своей роли в истории Отечественной войны, знаменательно и по его отражениям в народной поэзии: существуют несколько песен, целиком посвященных именно этому событию.

В ряде сходных вариантов дошла песня, отобразившая канун Бородинского боя. Начало ее выдержано в традиционной стилистике, идущей от средневековой Руси, далее идет конкретизация, приспособляющая обороты, характерные еще для песен XVIII в., к исторической ситуации 1812 года:

Как не золотая, братцы, трубонька
 вострубливала,
 Ай да не серебряна, братцы, сиповочка
 возыгрывала,
 Ай да как возговорил, братцы,
 промолвил князь Кутузов-генерал:
 «Ай да господа вы наши генералы
 со полковничками,
 Ай да вы отдайте скорый приказ
 по всей армии зараз:
 Ай да чтобы были все наши военны
 во исправности своей —
 Ай да у пехоты ружья все в порядке,
 во замках кремни остры,
 Ай да у казаков кони доброезжи,
 призаседланные.
 Ай да к нам под утро хотел быть, ребята,
 со всей ратью Бонапарт.
 Ай да за Россию, за царя, за веру нужно
 гостеньку принять:
 Ай да как на поле славном Бородинском
 поплотней дружка обнять!»
 [Догадин 1908, № 7]¹.

Кроме этой записи, сделанной А. А. Догадиным у астраханских казаков, есть еще две фиксации той же песни от казаков оренбургских [Баранов 1913, № 36; Мякутин 1904, 97] и одна — из Пермской губернии [Шишонко 1882, 226]. Но в них нет однозначной соотнесенности именно с Бородинским боем, а фамилия Кутузова искажена.

Другие песни о Бородинском сражении некоторыми поэтическими оборотами восходят к былинному эпосу, как, например, эта, записанная А. Д. Григорьевым в Архангельской губернии:

Тут спроговорил-спромолвил да князь
 Кутузов:
 «Ай вы вставайте ж, мои деточки,
 утром пораняе,
 Вы умывайтесь, мои деточки,
 побелеае,
 Вы идите, мои деточки, в чистое поле,
 Вы стреляйте же, мои деточки,
 не робейте,
 Вы своёго свинцю-пороху не жалейте,
 Вы своёго французика побеждайте!»
 [Григорьев 1904, № 96]

Но описание Бородинского боя уже не может вестись в духе былин, по-

¹ Порядковый номер текста указывается для изданий, имеющих сквозную нумерацию текстов, для остальных — номер страницы (Примеч. автора).

вествовавших о единоличном подвиге богатыря. Как в самой действительности, так и в исторической песне Бородино — великая битва великих армий. О начале ее песня говорит с подлинно эпическим размахом, используя давнюю стилистическую традицию русского фольклора:

Как не две тученьки, не две грозные
 Вместе соходилися —
 Как две силы-армеюшки
 Вместе соезжались.
 Как одна сила-армеюшка
 Она царя Белого,
 Как вторая сила-армеюшка
 Короля французского
 [Мякутин 1904, 82].

Само решение М. И. Кутузова дать генеральное сражение армии Наполеона на позиции, выбранной русскими генералами у Бородина, состоялось за неделю до первого осеннего праздника по народному православному календарю — Семенова дня. Песня запомнила эту дату:

Господа ли генералушки
 Вместе соходилися.
 Они думали крепку думушку
 Все заедино:
 «А когда же у нас, братцы, будет
 Бой-батальица?» —
 «На осенний первый праздничек,
 братцы,
 На Семенов день».

За несколько дней до него и произошло Бородинское сражение:

Как Семенов день приходит, братцы,
 Как гора валит;
 Как Семенов день проходит, братцы,
 Как река бежит.
 Как ударили из пушек, братцы,
 Из винтовочек —
 Покатились с могучих плеч
 Головушки,
 Полилася басурманская кровь
 На все четыре стороны
 [Там же].

Конечно, от песни, записанной почти через сто лет (в 1903 г.), нельзя ожидать точности всех деталей: винтовок в 1812 г. еще не было у войск, сошедших под Бородино, — были гладкоствольные ружья. Сама же образность в описании ожесточенного боя хранит

многовековую традицию русской народной поэзии. В песнях о сражении на Бородинском поле с армией Наполеона как бы воскресли некоторые образы устных сказаний о битве с армией Мамай на поле Куликовом:

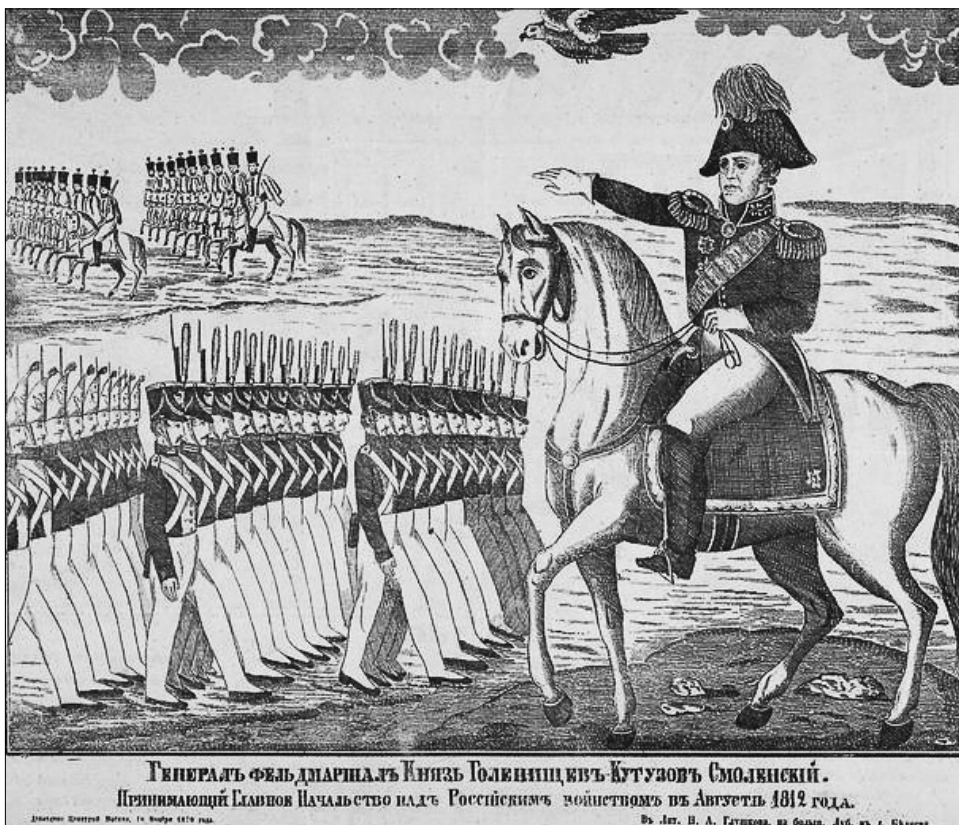
Льется кровь богатырская
По седельцам покованным,
Сверкают сабли булатные
Около голов богатырских,
Катятся шелома злаченые
Добрым коням под копыта,
Валяются головы многих богатырей
С добрых коней о сыру землю
[Шамбинаго 1945, 219].

Бородинский бой, начавшийся рано утром, продолжался более четырнадцати часов:

Уж мы билися-рубилися
Разосенну темну ночь.
Разосенни ночи темны, долги,
Близ четырнадцать часов.
Как во первом часу ночи
Сабли, ружья гремели,
Во втором часу ноченьки
С плеч головки летели,

Как во третьем часу ночи
Кроволитье протекло...
[Акимова 1946, № 123]

Сражение началось в шестом часу утра, а не в первом, но общую последовательность и исключительную ожесточенность боевых действий песня о нем передает верно: после весьма интенсивного пушечного и ружейного огня следовали одна за другой массовые атаки наполеоновских войск, которые русскими стойко отбивались. В ходе кровопролитных рукопашных схваток были громадные потери с обеих сторон. Однако эта песня, записанная дважды в XX столетии, всё же довольно обобщенно отражает впечатления о Бородинском сражении, без индивидуальной детализации, которая сохранилась здесь достаточно явно только в верном указании его продолжительности. Более конкретные припоминания в песнях того времени, по-видимому, были утрачены, оказавшись заслонены впечатлениями от последовавшего вскоре оставления Москвы.

Вместе с тем, песни о Бородинской битве некогда оказали настолько внушительное воздействие на народный репертуар, что вызвали существенные изменения даже в некоторых песнях, посвященных еще событиям XVIII в. Среди ряда вариантов песни о гибели генерала Лопухина в сражении с пруссаками при Гросс-Егерсдорфе в 1757 г. есть несколько таких, где основная часть текста как бы переносит слушателя в 1812 год:

Посмелее выступайте
 Со французом воевать!
 Не пыль в поле пылит,
 Не дубравушка шумит,
 Француз с армией валит.
 Он валит-таки валит,
 Сам подваливает;
 Сам подваливает,
 Речь выговаривает:
 «Еще много генералов —
 Всех в ногах стопчу;
 Вся матушку Россееюшку
 В полон себе возьму;
 В полон себе возьму,
 В каменну Москву зайду!»
 Генералы испугались,
 Платком слезы утирали,
 В поворот слово сказали:
 «Не бывать тебе, злодею,
 В нашей каменной Москве;
 Не видать тебе, злодею,
 Белокаменных церквей;
 Не стрелять тебе, злодею,
 Золотых наших крестов!»

 Свинца-пороха довольно,
 Сила во поле стоит.
 Уж мы билися-рубилися
 Четырнадцать часов
 [Якушкин 1865, 90].

Перед нами остатки песни о Бородинском бое, в отдельном виде до собирателей не дошедшей и сложенной, по-видимому, раньше, чем солдатам стало известно, что Москва оставлена русскими войсками.

Долго и безуспешно прождав у городской заставы «столичных бояр» с ключами от Москвы, Наполеон к вечеру 2 сентября вступил в город, уже покинутый перед тем половиной его населения. Начались пожары, грабежи и насилия. Большинство московских домов погибли в огне, даже многие ка-

менные строения подверглись разрушению, все московские храмы — разграблению, поруганию и осквернению. Но месяц бесчинства в Первопрестольной настолько разложил неприятельскую армию, а развернувшаяся борьба партизан настолько затрудняла ее снабжение продовольствием и фуражом, что Наполеон был вынужден начать оставление Москвы уже 6 октября.

Народные песни широко откликнулись на пребывание врага в столице.

Как на горочке было, на горе,
 На высокой было, на крутой,
 Тут стояла нова слобода,
 По прозваньицу матушка Москва,
 Разоренная с краю до конца.
 Кто, братцы, Москву разорил?
 Разорил Москву неприятель злой,
 Неприятель злой, француз молодой.
 Выкатал француз пушки медные,
 Направлял француз ружья светлые,
 Он стрелял-палил в матушку Москву.
 Оттого Москва загорелася,
 Мать сыра земля потрясалася,
 Все Божьи церкви развалилися.
 Все Божьи церкви развалилися,
 Златы маковки покатилися
 [Чичеров 1956, 269].

Песни о разорении Москвы опирались на живые впечатления ее жителей, но иногда использовали и подходившие мотивы более ранних лирических песен, не связанных с событиями 1812 года.

Дуют ветры со вихрями,
 С хором верхи сорывают
 По самые по окна,
 По хрустальные по стёкла;
 Француз Москву разоряет,
 С того конца зажигает,
 В полон девок забирает.
 Одна девка слезно плачет...
 [Киреевский 1874, 4]

Однако деревенские женщины России, как известно, участвовали в действиях партизан и даже самостоятельно брали неприятелей в плен.

Покинув разграбленную Москву, Наполеон намеревался отойти в междуречье Березины, Днепра и Западной Двины, надеясь там перезимовать и возобновить борьбу в 1813 г. Этот план был сорван действиями русской армии, однако получил отзвук в солдатской песне.

Из Москвы француз пошел,
 Недалеко поход сказал:
 До Березы до реки,
 До Березы до реки,
 Дальше некуда идти.
 Выпадали тут снежки.
 Выпадали тут снежочки
 По колени в один час.
 Ручки-ножки познобили,
 Огонечки развели.
 Мы повыстроим дома,
 Повыстроим домочки —
 Полотняные шатры,
 Полотняные шатрочки,
 Засмоленные верхи;
 Станем зиму зимовать,
 Станем зиму зимовать,
 Провиант мы получать...
 [Магнитский 1877, 84]

Сокрушительный разгром неприятельских войск в трехдневном сражении 4—6 ноября под Красным совпал по времени с освобождением близлежащего Смоленска, в котором Наполеон собирался дать длительный отдых своей армии. А 16 ноября русские атаковали противника, переправлявшегося через Березину, нанеся ему огромный урон. Эти факты суммарно отображались в народных песнях.

Как повыше было Смоленска-города,
 Что пониже было села Красного,
 Что под рощею под зеленою,
 Под березою кудрявою,
 На большом зеленом лугу
 Стоял тут лагерь русской армии,
 Русской армии, гвардейских солдат.
 Призадумавшись сидят, на Смоленск-
 город глядят:
 Овладели славным городом
 неприятельски полки,
 Уж досталось всё святое
 неприятельским рукам.
 «Как бы, братцы, нам принятися,
 Смоленск-город освободить?
 Смоленск-город освободить,
 неприятеля побить?»

.....
 Как пошли-то солдатухи Смоленск-
 город освободать,
 Смоленск-город освободать, французов
 выгонять.
 Ко Смоленску приступили, они ружья
 зарядили,
 Они ружья зарядили, в неприятеля
 палили,
 Много били, истребили, остальных-то
 полонили,
 Полонивши, их топили во
 Березоньке-реке...
 [Киреевский 1874, 23]

Генерал М. И. Платов в Отечественной войне возглавлял казачьи полки, которые в Бородинском сражении по приказу М. И. Кутузова нанесли успешный удар по флангу наполеоновской армии, а в дальнейшем систематически осуществляли дерзкие нападения на врага во время оккупации им Москвы и последовавшего отступления из России. В описании Бородинского боя песни часто упоминают Платова:

Не пыль во поле пылит,
 Не дубровушка шумит —
 Француз с армией валит,
 Генералам говорит:
 «Генералы, генералы,
 Я возьму вашу Москву,
 Я со всех ваших церквей
 Кресты-главы пособию!»
 Уж как стал француз палить,
 Только дым-сажа валит:
 Во том ли во чаду
 Красна солнца не видать.
 Граф Платов-генерал
 Разъезжает на коне,
 На своем добром коне
 По крутой по горе.
 Подъезжает граф Платов
 Ко силушке своей,
 Ко донским казакам...

Обобщенно осмысляя разные эпизоды Отечественной войны, казацкая песня заключает:

Граф Платов-генерал
 Усю силушку побил.
 Он которую побил,
 Которую потопил.
 Остальную его силушку
 Он у плен забрал...
 [Киреевский 1874, 37]

Одна из популярных песен о Платове содержит образ, восходящий к песне предшествующего столетия и имеющий, вероятно, литературное происхождение:

От своих чистых сердец
 Совью Платову венец,
 На головушку наденем,
 Сами песни запоем...
 [Языковы 1977, № 127]

Иногда такой же поэтический прием использован для провозглашения славы М. И. Кутузову. Песня передает народный домysel о его встрече с

хвастливым предводителем захватчиков, конь которого идет «по колено у крове», — видимо, песня имеет здесь в виду самого Наполеона:

С-под копыта руда² льет;
 А хранцуз в Москву идет,
 «А российского генерала
 Во ногах его стопчу.
 Во ногах его стопчу,
 Камену Москву возьму,
 По соборам, по церквам
 Лошадушек заведу»...

В конце песни — прославление Кутузова:

Ой российскому генералу
 Мы соъем ему венец.
 Мы соъем ему венец
 От своих чистых сердец.
 Мы соъем ему венец
 От своих чистых сердец,
 На головушку наденем,
 Сами песни запоем
 [Тумилевич и Полторацкая 1941, 39].

Кутузов и Платов — главные герои исторических песен Отечественной войны 1812 года. Матвей Иванович Платов — казак, сын войскового старшины, стал атаманом Донского войска в 1801 г., генералом — в 1809 г., а графский титул получил уже в 1812 г. — после победоносного сражения с наполеоновским войском под Красным, которое тогда же принесло Кутузову титул князя Смоленского.

Платова, как известно, отличали не только энергичное, умелое руководство боевыми действиями казаков, но и выдающаяся личная смелость, породившая весьма распространенные песни с вымышленным сюжетом, восходящим к более ранним произведениям казачьего устного творчества (которые, в свою очередь, использовали повествовательные мотивы одной из популярных былин):

Платов голову остриг
 И бородушку обрил,
 У француза в гостях был.
 Француз его не узнал,
 За купчину почитал.

 В нову горницу вводил,
 За дубовый стол садил,
 За дубовый стол садил,
 Чаем, кофеем поил...

² Руда — кровь.

Оказывается, противник наслышан о Платове, но никогда не видел его:

«Всю ты правду скажи мне —
Уж я всех же в Москве знаю
Генералов и господ,
Одного только не знаю
Я Платова-казака.
И кто бы, кто бы мне сказал,
Тому б много злата дал.
И в полон бы его взял
И с живого кожу снял»...
[Гуляев 1952, № 47]

Платов отвечает врагу — как и быллинный Илья Муромец, — что он похож на того, кого неприятель хотел бы видеть. В ответ на просьбу показать портрет Платова он бросает свой портрет на стол и быстро выходит:

На коня Платов садился, точно сокол
взвился.
Он со двора съезжал и с усмешечкой
сказал:
«Ты ворона, ты ворона, загуменная
карга,³
Не сумела ты, ворона, ясна сокола
держать,
Ясного сокола, Платова-казака.
Ты умей, ворона, по чисту полю
летать,
По чисту полю летать, с казаками
воевать...»
[Акимова 1946, № 20].

Мера правдивости исторических песен периода Отечественной войны 1812 года отражает всю гамму соотношений фольклора и исторической действительности: от исторически точных хроникальных песен, отобразивших конкретные факты этой войны, устное народное творчество переходило к песенным прославлениям ее реальных героев и песенным поношениям вторгшихся неприятелей — вплоть до исторической баллады с вымышленным сюжетом, правдивой, однако, в передаче сложившегося в народной среде представления о наиболее популярном герое освободительной войны и юмористической оценки самонадеянного неприятеля.

Исторические песни Отечественной войны 1812 года возникали уже по

следам отразившихся в них событий. В дальнейшем эти песни эволюционировали и развивались по мере фольклоризации впечатлений о ходе освободительной борьбы народа, героически отстоявшего суверенитет России.

Литература

Акимова 1946 — Фольклор Саратовской области / сост. Т. М. Акимовой. Саратов, 1946. Кн. 1.

Баранов 1913 — Песни оренбургских казаков с напевами в 3-х выпусках / собрал и положил на ноты Ф. Н. Баранов. Оренбург, 1913. Вып. 1.

Григорьев 1904 — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. 1.

Гуляев 1952 — Былины и песни Южной Сибири / записи С. И. Гуляева; под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.

Догадин 1908 — Былины и песни астраханских казаков / собрал и на ноты положил А. А. Догадин. Астрахань, 1908. Вып. 1.

Киреевский 1874 — Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1874. Вып. 10.

Магнитский 1877 — Песни крестьян села Беловежского Чебоксарского уезда Казанской губернии / В. Магнитского. Казань, 1877.

Мякутин 1904 — Песни Оренбургских казаков / собрал сотник А. И. Мякутин. Оренбург, 1904. Т. 1.

Тумилевич и Полторацкая 1941 — Фольклор Дона / сост. Ф. В. Тумилевич и М. А. Полторацкая. Ростов-на-Дону, 1941.

Чичеров 1956 — Исторические песни / вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. И. Чичерова. Л., 1956.

Шамбинаго 1945 — *Шамбинаго* С. К. Литература Московского княжества конца XIV и XV вв.: 2. Исторические песни // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1.

Языковы 1977 — Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / подгот. текстов к печати, ст. и коммент. А. Д. Соймонова. Л., 1977. Т. 1.

Якушкин 1865 — *Якушкин П. И.* Народные русские песни. СПб., 1865.

Summary. In the article the author estimates how works of folklore dedicated to the Patriotic War of 1812 correspond to the historical events and to earlier works of Russian folklore.

Key words: historical facts, historical songs, songs adaptations.

³ Загуменная карга — ленивая ворона.